

ВОСПОМИНАНИЯ

60 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ



Александра Ивановна (слева) с подругой. 50-е годы.

Спешно собралась во мудреные пожитки да узелки с едой мать Шуры Феликс Еремьевича, заслышав, как драпаются от наступающей Красной Армии каратели расправляются с мирными жителями. С родней и детьми она присоединилась к беженцам-чехословацким, идущим по дороге в деревню Матвеевичи. Здесь осталась с младшими детьми остаться передокууть, а Шуру с двоюродными сестрами Катей и Леной отправила в Репище (деревню со всех сторон плотным кольцом окружал густой лес, и все надеялись, что сюда не поспеет ступить немецкий солдат).

До отъезда набились бжежцы в репищанские хаты, но много их еще тащилось по дороге. Немец настигли беженцев внезапно. Заслышав стрельбу, несчастные люди ринулись в землянки у деревни. Но страшней трагедия разыгралась именно там живым нелю не вышел.

Долго не прекращались автоматные очереди. Стоявших жителей деревни и беженцев спрятавшихся в домах, согнали в гумно, где продержали всю ночь взаперти под охраной. Оказалась там и Шура. А утром их погнали по дороге на запад (как потом оказалось, фашисты сожгли деревню Репище из 28 хат дола).

С rassemblались косынки, в потопленном платье и пальто нараспау Шура крепко держала за руки своих двоюродных сестер. Дети просили

есть. Она разделила по крохам хлеб и свой кусочек меда, что был и уцелел, скармлила оставшему за запас. Сама не ела: горе и испуг были так велики, что Шура плакала до самого Кривеца, где был первый привал.

Вспомнилось: перед самой войной с братьями и сестрами она принесла елесь охотки пучкуго яворца и, выйдя до жельных половецки, разбрасывала его по большой хате, расставляла на окнах к Троице. Все детство прошло на лугах и реках, где сестры собирали щавель для соевый хата, расставляла на окнах к Троице. Все детство прошло на лугах и реках, где сестры собирали щавель для соевый хата, расставляла на окнах к Троице. Все детство прошло на лугах и реках, где сестры собирали щавель для соевый хата, расставляла на окнах к Троице.

Первый раз Шура встретились с немцами, когда рыла окоп на окраине местечка вместе с другими девушками и женщинами. Они явно разбегались по кустам, когда прилетел самолет с крестами, но он не бомбил и не стрелял, а разбрасывал писюнки с призывами: "Девушки и

До сих пор свято хранит Александра Ивановна Добрина последнее письмо с фронта (от 22 ноября 1944 года) отца Ивана Григорьевича Буланова, воевавшего с первых дней войны и погибшего в феврале 45-го в Венгрии. Досталась и ей, тогда 19-летней, судьба жестокая, полна унижений, — судьба узницы Германии.



рыйте там дамычки, не наши та-дуд, ваши ямочки — комунт!

Живя в оккупации на глухой окраине местечка, она мало видела гитлеровцев и только сейчас столкнулась с их беспощадной жестокостью... Пленники все шли и шли. Перед самыми Досками, в один из удобных моментов, они втроем шмыгнули в кусты и затихли, но их отыскали и закричали: "Шпект киндер, зер шлехт махден, цисенен...". Шура поняла: бежать не удастся. В Доске их помыли в бане, омыли вранк, посорнили — как видно, готовили к отправке в Германию. Немецкий доктор, коверкая слова, разговаривал с пленниками на русском языке, гладил испуганных детей по головам, целовал и усажал конфетками. Через некоторое время их увезли куда-то за Днепр и посадили в товарные вагоны.

В Белостоке колонну разделили, неразлучная тройка попала на текстильную фабрику, в чех, где-то шла Шура, Баструю и повсюду приставили сразу к трем станкам. Она справлялась, хотя и валилась к вечеру с ног от усталости. Этого хватало на скудную пропитание. Жили на вкваторе, под постоянным надзором, где во второй половине дома находились немцы.

Воспитанным в духе "человек — это звучит гордо" девчатам

трудно приходилось в плену. Только нестрайбавля вера в Победу, желание во что бы то ни стало дождаться своих придавала сил. Шура была оптимисткой. У нее появились интуиция, обостренная бедой, и она безошибочно определила в положении немца "доброе" человека (если вообще в этой обстановке можно было говорить о добре).

Катя, Лена и Шура поочередно стирали ему белье, ухарились. Он взял их под свою защиту, "воляки" обходили девачек стороной. Так прошло окопото года. С подходом советских войск пленники вновь набили товарники и повезли в губье Германию. Трое суток ехали в вагоне, во второй половине которого немцы перевозили оварок. Забившись в угол, узницы с ужасом смотрели на них. Шед Дрезденном поезд попал под бомбежку. В числе нескольких чудом уцелел и их вагон. Сестры попали в Боулечков, которых обучали летать на немецких самолетах.

Они убирали барак, где жил летный состав, сами жили в Телом же барак. Павл был скучный. Но по обшачим дорог росли яблони. Иблони рвать запрещалось, однако иногда их отпустили собрать падулицу. Это было хорошим подспорьем к их питанию и спасало.

Не сразу, но поближе познакомившись с пленницами, обучавший пленных в школе (одевать в немецкую форму) "русский" полподполковник Кравец начал передавать девчатам записки для летчицы. Бывая каждый день в барзках, они оказались хорошими связными. Сестры ни о чем не догадывались. Сколь-ко же было счастья и удивления, когда однажды летчица, неожиданно залетев, увели самолеты

на восток. Что тогда нечалоось в лагере: такого перелопота давно не было. А для девчух это было светлым пятнышком на их черном небе пребывания в плену.

И тут же вскоре советские неожиданно появились советские войска. Каким счастьем была Побед! Девчата на радостях показывали себе красивые косынки, да так и не расставались с ними до самого дома. Но не сразу попали они на Родину, еще дождуте с красноварскими разгрузили вагоны с продуктами, помогали на кухне, ожидали отправки домой.

И вот настал час отъезда в родную Беларусь. Им выдали сухие пайки, консервы и привезли в Тернополь, где они могли сесть на поезд до Киева. Багоны были переполнены, и девчатам с трудом удалось взобраться на крышу. В пути солдаты спускали на ремнях свои фуляги, чтобы им налили воды, так и добралась до столицы Украины. Красные косынки сослужили добрую службу в очереди за билетами до Гомеля. Две ночи ночевали они на пристани, дожидаясь парохода. А уж из Гомеля — рукой подать, на барже докатились. Так, в конце лета 45-го они вернулись в родную слободу на окраине. 2 года отмаявшись в плену на чужбине.

Прямо скажем, дифирамбов им никто не пел. Не в частую время были узницы Германии. Не находила себе места Шура, узнав о гибели отца, она так надеялась на его поддержку. Такую было устроиться на работу и продавцом, и поваром была, а потом трудилась в МТС бухгалтерско-кассиром. 4 года поднимала целинные земли, награжден медалью "За освоение целинных земель".

Теперь ей уже за восемьдесят. Стоит на улице в ветеранской организации города как узница Германии, из которой получила выплаты за свои мтарствы и унижения во время войны, получает хорошую пенсию. После черныбыльской трагедии ей, чернице, дали малосейную в Гомеле, поближе к детям.

Постоянно поддерживая с праздником Победы ветеранская организация, городские власти. Но особенно ей дороги два поздравления: от 53-й годовщины Победы и 60-летием освобождения Беларуси — из родственной резиденции в виде красномармиской треугольницы за подписью Александра Лукашенка.

Мария НОВИКОВА.